

Особенности этнической идентичности русских: проблемы и перспективы исследования¹

Г.С. СТЕПАНОВА

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Воронежского государственного педагогического университета

Статья посвящена проблеме исследования этнической идентичности русских в рамках разработки идеи интеграции российской нации. В качестве проявления своеобразия этнической идентичности русских рассматривается слабая вербализация этнонима, что является признаком несформированности идентичности. Анализируемая особенность иллюстрируется результатами собственных многолетних работ автора и данными других эмпирических исследований. Осуществляется попытка разностороннего, многомерного анализа феномена: с точки зрения особенностей истории формирования; как проявления коллективной памяти русских; в рамках теории социальных представлений. Аргументируется необходимость перехода к многомерному логическому анализу таких неоднозначных психологических феноменов, как этническая идентичность, этническое самосознание, и критериев уровня их сформированности.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, этническое самосознание, коллективная память, вербализация, имплицитный конструкт, «Я-образ», «Мы-образ», многомерная логика.

Российское общество находится сегодня в состоянии исторического кризиса. Обществоведы считают, что он не сводится к тем или иным просчетам только постсоветского развития. Сегодняшний кризис — результат длительной исторической эволюции социума, которая характеризуется не только поступательным движением, но и в значительной степени прерывностью исторического развития. Новые социальные реалии ставят актуальные вопросы о месте в процессе государственного строительства национальной идентичности и национального самосознания россиян. Предлагая модель будущего мироустройства, С. Хан-

тингтон отмечает, что основным источником столкновений и конфликтов между различными силами, представленными на мировой арене, будет вовсе не идеология или политика, как это было ранее, а культура, ибо народы и нации пытаются ответить на вопрос, касающийся их идентичности: «Кто мы такие?» [1]. Одним из социально-психологических проявлений современного кризиса в России выступает стремительный процесс перехода от советской надэтнической идентичности россиян к собственно этнической, а затем вновь переход в направлении конструирования гражданской идентичности, что обнаруживает как этнокуль-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Воронежской области, проект № 12-16-36002 а/р.

турную устойчивость, так и динамичность идентичности и самосознания представителей всех национальностей, проживающих в России. Как следствие, кризис обнаруживается в разрыве преемственности культурно-исторического опыта, изменении культурных механизмов, задающих картину мира, систему ценностей и ориентиров, формирующих сферу смысло-жизненных ценностей. Эта составляющая кризиса проявляется в изменении характера межпоколенных отношений, что особенно свойственно русским [21]. Кроме того, эмпирические данные показывают, что если культурная идентичность является навязываемой или утрачиваемой категорией, она выполняет функцию социальной деструкции и дезинтеграции. Сохраняемая исконная идентичность и добровольно приобретаемые элементы новой идентичности, напротив, способствуют социокультурной интеграции [12].

Современные исследования этнической идентичности осуществляются сегодня в связи с решением достаточно широкого круга проблем: от определения этнокультурного ресурса россиян в плане поиска возможных и эффективных стратегий реформирования отечественной экономики с целью интеграции в общемировое пространство до поиска путей культурно-исторической преемственности в воспитании и образовании подрастающего поколения. Основная стратегия исследования этнической идентичности в отечественной психологии осуществляется сегодня в рамках одномерной логики: или/или, сформировано/несформировано, а конкретно — в сравнении структурных, содержательных, эмоциональных, поведенческих компонентов этнической идентичности и определении

(в основном исходя из отдельных, единичных показателей), выражена этничность в самосознании или не выражена и если выражена, то в какой степени, а кроме того, в какой степени субъект чувствует ее в обыденной жизни, насколько для него это болезненно или важно. Соответственно, делается вывод — сформирована, актуализирована идентичность или нет. Необходимо подчеркнуть, что сегодня многими авторами [10; 22 и др.] обосновывается необходимость смены такой логики, лежащей в основании классической рациональной парадигмы, на постнеклассическую многомерную логику, предполагающую разнообразные проявления феномена, создающую основания для углубления представлений о природе и неоднозначности психологических явлений.

Формулирование новой интегрирующей национальной идеи — формирование (конструирование) национально-гражданского общества и общероссийской идентичности граждан России — требует нового подхода к исследованию этнической идентичности всех этносов, проживающих на территории России, и в первую очередь, русских как национального большинства. Учитывая принципиально новые реалии и задачи современного общества, необходимо с разных сторон взглянуть на историю возникновения и социально-психологическую сущность этнической идентичности, на ее функции, особенности актуализации и трансформации в периоды транзитивности общества, ее ресурс и ограничения в процессе конструирования, особенно в связи со стремительной «переидентификацией». Иными словами, следует отойти от однозначной сравнительной оценки этнических характеристик по одному

или ограниченному количеству параметров и перейти на уровень анализа многообразия проявлений феномена в зависимости от меняющихся культурно-исторических условий.

Например, по данным многолетних социологических наблюдений за рядом этнических групп России (русских, татар, башкир, якутов, осетин, тувинцев) с точки зрения того, насколько необходимо человеку ощущать себя частью этнического сообщества, народа, а не просто автономной личностью, у русских оказался самый низкий показатель такой потребности независимо от того, живут они на территории «титულных» республик РФ или в областях. Другой вопрос: насколько часто человеку приходится вспоминать о своей принадлежности к этнической группе, т. е. как часто жизненная ситуация осознается как этнически определенная? И этот показатель у русских также минимален [11]. На этом основании авторы делают однозначный вывод о невыраженности этнической идентичности у русских, а соответственно, и этнического самосознания. Логично возникает вопрос: а существует ли тогда вообще этническая общность?

Сравнение характеристик предполагает точку отсчета. Точкой отсчета в большинстве сравнительных исследований этнической идентичности выбирается наличие и степень активности этнонима, или самоназвания, как структурного компонента этнической идентичности. В данном случае вырисовывается дилемма — что означает различие в степени выраженности этнической идентичности русских по сравнению с другими этническими группами: недостаточную сформированность, слабую актуализированность (или слабую вербаль-

ную выраженность) в условиях конкретной социокультурной ситуации, своеобразия феномена, присущее именно русским, обусловленное особенностями исторического формирования этноса как культурной общности? Известно, что самоназвание, или этноним, рассматривается многими этнологами ключевым компонентом этнической идентичности. Единодушно подчеркивается его интегрирующая функция. Так, Н.Г. Скворцов отмечает, что «...пока культурная идентичность не получила своего имени, отсутствует чувство общности внутри группы» [13, с. 57]. Обращаясь к истории, необходимо отметить, что еще в сознании эпохи Просвещения наиболее характерной чертой народа было его имя. Оно упоминалось как первый и самый очевидный знак существующей автономии. Но, как отмечают, например, Г.Г. Литаврин и Б.Н. Флоря, в связи с этим вопросом возникают достаточно серьезные методологические проблемы: во-первых, каково место и значение в содержании этнонима собственно этнического, узко понимаемого чувства; во-вторых, достаточно ли одного компонента (принимая его за основополагающий) для суждения о состоянии, развитии, особенностях этнического самосознания и идентичности. В какой степени активность употребления этнонима может однозначно говорить о сформированности идентичности, тем более такой большой этнической общности, как русские [7]?

Здесь мы выходим на следующую проблему изучения этнической идентичности русских: их численность и ее психологические проявления.

Обращаясь вновь к вышеприведенному сравнительному исследованию русских, татар, башкир, якутов, осетин, ту-

винцев, предполагаем, что интерпретация результатов не учитывает такой существенной переменной в процессе сравнения, как численность этноса и ее субъективное самоощущение, что играет значимую роль в характере и степени выраженности тех или иных этнокультурных характеристик. В частности, не отсутствие, а слабая вербализация этнонима у русских по сравнению с представителями других народов, на наш взгляд, демонстрирует психологию национального большинства.

Предполагается, что самосознание большой этнической общности содержательно и функционально имеет несколько иную картину. Результаты таких исследований можно образно сравнить с исследованием групп, например численностью в сто и десять человек: будет наблюдаться разная теснота внутригрупповых связей, разная частота контактов, разная обозримость, разный уровень взаимоподдержки, что однозначно будет влиять в пользу большей выраженности признаков в малой группе. Кроме того, численность этноса неизбежно должна отражаться и в самосознании представителей этноса как субъективное ощущение большинства. В советское и раннее постсоветское время этот феномен обозначался терминами с определенной идеологической окраской: «имперское мышление», «психология старшего брата» и т. д. По нашему мнению, это ощущение большинства имеет исторические корни и представляет собой форму коллективной памяти, если учесть исторические особенности формирования русского этноса, в частности лежащий в его основе ассимилятивный механизм.

Каковы объективные аргументы в пользу различного подхода к исследова-

нию этнической идентичности больших и малых этнических общностей?

Во-первых, отечественная наука не совсем корректно заимствует из западной психологии научную терминологию. Так, этимология и содержание понятия «этнического», с точки зрения С.В. Лурье [8], имеет в западной науке в своем значении особый нюанс и относится чаще всего к национальным меньшинствам, диаспорам, изначально предполагая исследование своеобразия малых, аборигенных этнических групп. Впрочем, автор отмечает, что под действие закономерностей, обуславливающих существование и деятельность этноса, попадают общества, возникшие в результате ассимиляционных процессов. Таков, например, русский этнос и этнос американский. И в том и в другом случае этносы имели некое ядро, соответственно, славянское и англо-саксонское, но собирали вокруг себя, вбирали в себя представителей других народов. И русские и американцы представляют собой этносы, которые имеют тенденцию к расширению путем ассимиляции других. Но этот механизм в России осложняется сегодня тем, что наряду с нарушением механизма межпоколенной культурно-исторической преемственности одним из признаков современного исторического кризиса в России также является слом механизма ассимилятивного воспроизводства русского народа, когда центры этнической консолидации, веками выступавшие донорами и составлявшими базу ассимиляции, оказались за рамками политической границы Российского государства или переживают свой собственный кризис или охвачены процессами национального возрождения [21]. Возникает абсурдная ситуация, когда

идентичность русских сравнивается с идентичностью группы, которая долгое (советское) время подвергалась, вспоминая советскую терминологию, той же «русификации». Как результат этого процесса, естественным для малых этнических общностей будет более выраженное, вновь обретенное, обостренное чувство своего этнического своеобразия.

Исходя из вышесказанного, по отношению к идентичности и самосознанию больших этнических общностей, в том числе русских, более правомерно применение термина «культурная идентичность», или «культурно-историческое самосознание», которое включает в себя осознание принадлежности к конкретной культуре, осознание исторического своеобразия периода и личностной включенности в современный контекст. Осознание включенности в современный контекст истории и культуры показывает степень сформированности гражданской позиции. Такое определение сущности идентичности, в частности русских, еще ждет своего исследования.

Во-вторых, следующим аргументом несравнимости по одним и тем же основаниям больших и малых этнических общностей являются особенности механизма этнической идентификации. По нашим данным, таким механизмом у русских является национальное самоопределение, в основе которого отсутствует собственно этническая преемственность или кровнородственные связи. Такие данные подтверждаются многолетними исследованиями этнической идентичности студентов Воронежского государственного педагогического университета. Национальность родителей как основание для определения этнической принадлежности находилась и на-

ходится у русских студентов на последнем месте [16]. Сравнение со студентами, не относящими себя к русской национальности (но и не к иностранцам), показывает, что кровнородственные связи как этноинтегрирующий признак находятся у них на втором месте после родного языка.

Еще одним критерием, который подтверждает наше предположение о некорректности сравнения по одним и тем же основаниям особенностей этнической идентичности больших и малых этносов — это исторические особенности становления идентичности русских.

Необходимо признать, что в советский период самосознание русских было «стерто» в большей степени, чем у других этносов. Так называемая «имперская» идентичность русских абсолютно превалировала над этнической вплоть до начала 1990-х гг. Социологические опросы эпохи перестройки показывают различие в самоопределении русских и представителей других народов СССР (молдаван, украинцев, эстонцев и т. д.). Если последние осознавали себя молдаванами, украинцами, эстонцами и т. д., то русские осознавали себя прежде всего «советскими» людьми. В 1989 году удельный вес категории «советский человек» среди самохарактеристик русских в РСФСР составил 30 %, а среди жителей Москвы и Ленинграда — 38 %. Иными словами, треть русских, живущих на своей этнической родине, предпочитали идеологическую идентификацию [21]. Еще больший процент русских демонстрировал советскую идентичность за пределами России. Например, актуализация этнического самосознания русских в Молдове в начале 1990-х гг. явилась в значительной степени запоз-

давшей (по сравнению с другими этническими группами) реакцией на активизировавшиеся национальные процессы в республике. Русские категорически не принимали статус национального меньшинства в связи с появлением суверенного государства Молдова, несмотря на то, что этот статус предполагал определенные социально-экономические и политические выгоды [16]. Данный факт подтверждает, что привычное ощущение себя в качестве национального большинства (как это проявляется в особенностях современной идентичности русских) выступает разновидностью коллективной исторической памяти. Необходимо признать, что это самоощущение затрудняет осознание этносом своего реального положения (в том числе и в демографическом плане) и состояния культуры.

Если остановиться на роли русских в становлении гражданского общества, то следует признать правильной точку зрения В.В. Чешева, согласно которой «собираение народов» в едином государстве явилось культурно-историческим способом существования русского народа. В ходе решения этой задачи сформировалось его мировоззрение, его государственное устройство, способ ведения хозяйства и все другие социальные институты. По этой причине возможное этническое обособление русских, выраженное лозунгом «Россия для русских», равносильно саморазрушению [19].

Обращаясь к конкретным эмпирическим исследованиям, следует отметить, что наиболее показательным отличием русских является слабая вербализация, или слабая выраженность этнонима. Такие особенности подтверждаются как нашими данными, так и рядом других исследований. В результате опроса русских

студентов Воронежского государственного педагогического университета по методике М. Куна—Т. Макпартленда в 1998 г. из выборки испытуемых (150 чел.) лишь 7,5 % студентов отметили свою этничность. В 2008 году из 210 респондентов — лишь 8,5 % студентов [3]. По группе студенческой молодежи аналогичные данные получены Н.П. Мироновой [9]. Подобные данные интерпретировались некоторыми авторами как отказ русских от своей идентичности, так как свою «русскость» они в повседневной жизни не ощущают. А.Г. Смирнова отмечает, что согласно критериям категоризации группы как этнической, предложенным Х. ван Амерсфортом, и опираясь на авторские результаты, можно констатировать, что русские демонстрируют отказ от своей этнической идентичности. Аргументируется этот вывод положением, согласно которому «...в современном обществе существуют две особенности, отличающие этническую группу от других социальных групп. Во-первых, этничность существует в нескольких поколениях. Во-вторых, этническая форма категоризации имеет приоритет над другими формами социальной категоризации, такими, как пол, возраст, экономические интересы. Когда одна из этих двух характеристик не сохраняется, этническая группа перестает существовать» [14, с. 207]. Пример данного исследования еще раз подтверждает, что описанная стратегия исследования подчинена одномерной, классической логике.

Чтобы понять сущность и функции, своеобразии проявления этнической идентичности русских и роль этнонима, следовало бы обратиться к истории становления идентичности русских. Не

претендуя на системное исследование, которое и невозможно осуществить в рамках одной статьи, остановимся на некоторых фактах. Надо отметить, что в современных психологических исследованиях все чаще обращается внимание на тесную связь психологии и истории и на их взаимную обусловленность. Историческая психология изучает историческую детерминацию и рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей, как объекта и субъекта исторического процесса. Психический мир наших предков отражается в нашей жизни (как непосредственно, так и трансформированно), представлен в культуре, обычаях, психике, исторической памяти, менталитете, стереотипах поведения современного человека [5].

А.В. Теленков в исследовании национального самосознания русских во второй половине XIX — начале XX в. отмечает сакрализацию этнонима, подчеркивая, что в моменты внешней опасности или внутренней нестабильности этноним приобретал огромное значение, вызывал сильные чувства, являясь зачастую мистическим словом. Другой причиной достаточно редкого употребления своего этнонима в народной речи и фольклоре являлась его государственная окраска. Послания государю или чиновникам, патриотические речи, официальная печать пестрели большим количеством таких слов, как «русский», «Россия», «Русь», «Российская империя». Необходимый в подобных случаях пафос был лишним в народной жизни. Этноним «русский» рассматривался шире своего этнического значения [18].

Безусловно, современные мотивационные тенденции редкого употребления этнонима русскими претерпели опреде-

ленные изменения и требуют всестороннего изучения, но, думается, отношение к своей этнической принадлежности как само собой разумеющемуся факту, не требующему постоянного подтверждения, также несет в себе элементы коллективной, исторической памяти. Хорошо иллюстрирует это положение высказывание студентки: «...Моя национальность для меня носит вполне обычный характер. Я рада, что я русская. Почему? Не знаю. Это где-то внутри».

Здесь вновь необходимо отметить важность использования психологией исторических данных, особенно это касается истории появления этнонима «русский». Данные, без сомнения, противоречивые, но они позволяют определить, имела ли место историко-психологическая преемственность в становлении русской идентичности или процессу свойственна прерывность, что без сомнения сказалось на особенностях русского самосознания, а особенно на противоречивости самоописания и самоотношения.

Достаточно, например, вспомнить, что во время первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в опросных листах присутствовали вопросы о вероисповедании, родном языке, семейном положении, сословии, месте рождения и т. д., но отсутствовал прямой вопрос о национальности. Его подменял вопрос о родном языке. Кроме того, для определения национальности нередко пользовались такими признаками переписных листов, как сословие, религия и т. д. Е.А. Вишленкова [2] утверждает, что на 1770 г. этнонима у русских как такового не существовало. Аргументируется это положение фактами отсутствия визуальных образов русских с соответствующими подписями: «русский мужчина» или «русская женщина» в этно-

графическом альбоме «Открываемая Россия», вышедшем в 1775 г. Конструированию самоидентичности в значительной степени способствовала, по ее мнению, деятельность художников-этнографов, например, Лепренса, тиражирование рисунков которого (народного костюма и повседневного быта) способствовало формированию общественного мнения, кого можно считать русским. Описываемые факты требуют отдельного историко-психологического исследования, но их интерпретация Е.А. Вишленковой вызывает некоторые сомнения, так как существуют многочисленные историографические исследования, говорящие о значительно более раннем появлении этнонима. Например, А.В. Теленков и В. Кожин [18; 4] утверждают, что происхождение этнонима коренится в глубине IX—XI вв. А.В. Теленков отмечает, что, в принципе, тему о соотношении имен русского и российского следует начать с наименования «русские» как более древней и исконной формы. «Важно то, что с IX в. это слово, пережив столетия, сохранилось, несмотря на действия времени, изменение до неузнаваемости самого русского народа» [17, с. 327]. М.О. Коялович, ссылаясь на работы князя Щербатова, подчеркивает роль Петра I в «повреждении нравов в России», рисует мрачную картину вредных последствий петровских преобразований, в частности картину разрушения «старой русской чести». Кроме того, ему принадлежит программное, с точки зрения стратегии современных исследований идентичности русских, заявление. Отмечая важность изучения содержания и сущности русского самосознания, он писал, что и господство иноземных влияний на нашу историческую жизнь — немецкого и византийского, и даже смешение славян-

ско-русского элемента на северо-западе с финским, на юге — с хазарским, не устраняли необходимости исследования, что же такое это смешиваемое с иноземством русское начало само по себе [6].

Принципиально важен факт, что становление этнической идентичности русских в существенной степени определено процессом исторической прерывности в формировании этнической идентичности и самосознания русских. Думается, что значительное разнообразие точек зрения ученых на исторический период появления этнонима как признака этнической идентичности русских является отражением этого процесса. При этом данная прерывность (причем стремительная и неоднократная) наблюдается и в последние два десятилетия, ставя перед социальной психологией дополнительную задачу исследования характера динамики этнической идентичности русских.

Кроме историко-ретроспективного анализа эффективным представляется метод исследования этнической идентичности в течение последних десяти—пятнадцати лет. Наше исследование особенностей идентичности и самосознания русской молодежи (студентов вузов Воронежской и Белгородской областей) [3] в последние 10—12 лет показало, к примеру, стабильность таких характеристик, как уже упомянутая слабость вербализованной этнической идентичности («Я русский»), противоречивость автостереотипов, слабую выраженность в смысложизненных ориентациях шкалы «будущего» (слабость формулирования целей), умаление настоящего времени как исторического периода, слабую интеграцию этнокультурных «Я-образ» и «Мы-образ», а также личностные и этно-

культурные ценности. Такие данные показывают определенные этнокультурные константы, мало подвергающиеся изменениям, что может рассматриваться как феноменальность, разнонаправленность этнической идентичности русских, требующая эмпирического исследования, причем исследования в период активных социальных преобразований в обществе. Исследования в период социальных трансформаций и в рамках различных подходов позволяют более отчетливо выявить глубинную сущность феномена.

Например, проведенное нами исследование этнической идентичности русских студентов в рамках теории социальных представлений показало [18], что применительно к этнической идентичности русских более адекватным термином будет термин не «слабовыраженная», а «скрытая» идентичность как система имплицитных конструкторов, как «...интроспективно не опознанные (или неверно опознанные) следы прошлого опыта, которые опосредуют благоприятные или неблагоприятные эмоции, мысли или действия по отношению к социальным объектам, актуализирующиеся при определенных условиях, например, при анализе какой-либо социальной проблемы, в рамках социальных представлений» [20, с. 138]. В результате контент-анализа текстов сочинений (учащимся воронежских школ и студентам Воронежского государственного педагогического университета было предложено написать сочинение на тему «Будущее России»; в исследовании приняли участие 240 человек: 100 старшеклассников и 140 студентов). Эти сочинения отражали социальные представления респондентов о России, ее будущем, своем месте в строительстве общества. Было выявлено, что этническая идентичность в социальных представлениях достаточно вы-

ражена (обнаружена у 60 % студентов и 49 % школьников) и соседствует с гражданской (51 % и 17 % соответственно), причем значимость ее несколько выше. В целом для социальных представлений, несмотря на их эмоционально-когнитивную расогласованность, характерна личностная заинтересованность, зрелость и попытки разобратся в значении категорий «русский» и «россиянин». Большинство испытуемых отмечают собственную роль в развитии России: «Будущее России зависит от нас».

Таким образом, говоря о проблемах и перспективах исследования этнической идентичности русских, изучение которой имеет ключевое значение в рамках реализации общей идеи интеграции россиян, не отрицая важности сравнительных межкультурных исследований, необходимо отходить от одномерной, линейной логики при анализе и интерпретации полученных данных. Исследовать явление необходимо в его феноменологии: воспринимать явление таким, какое оно есть, в многообразии возможных проявлений, а не таким, каким оно должно быть. При этом применение как эксплицитных, так и, в большей степени, имплицитных методов позволяет исследовать скрытые, неотрефлексированные компоненты идентичности. Особое значение имеет принцип изучения феномена в социально-историческом контексте, причем в равной степени важно исследовать этническую идентичность в реальной современной ситуации, в ближайшей исторической перспективе (что позволяет выявить как этнокультурные константы, так и динамические составляющие), а также в исторической ретроспективе, позволяющей понять архетипическую основу современного состояния этнической идентичности как русских, так и других народов, населяющих Россию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовина И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А., Мальшиева Н.Г., Гольничик Е.О. Россия в современном мире: подход теории социальных представлений // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 2. Педагогика. Психология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Bovina&Stefanenko&Tikhomandritskaya&Malysheva&Golynchik>.
2. Вишленкова Е.А. Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3.
3. Кадацких И.Ю., Степанова Г.С. Особенности этнокультурного «Я» в структуре самосознания формирующейся личности. Воронеж, 2010.
4. Кожин В.В. Победы и беды России. Русская культура как порождение истории. М., 2002.
5. Кольцова В.А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 2. № 3.
6. Коялович М.О. История русского самосознания. СПб., 1884.
7. Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н. Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV веке // Этническое самосознание славян в XV веке. М., 1995.
8. Лурье С.В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М., 2004.
9. Миронова Н.П. Этническое самосознание современной студенческой молодежи г. Сыктывкара в контексте исторической памяти поколений // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 1 (9). Сыктывкар, 2012.
10. Митрофанова О.Г. Проблема исследования межкультурного взаимодействия и взаимопонимания: диалогический подход // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2010. № 3.
11. Осознают ли себя русские единой этнической общностью? Существует ли «русская проблема?» // Фонд «Либеральная миссия». URL: <http://liberal.ru>.
12. Савченко И.А. Социокультурная интеграция и дезинтеграция современных многоэтнических сообществ: Автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2012.
13. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.
14. Смирнова А.Г. Формирование национальной идентичности в России: легко ли быть русским? URL: <http://ideashistory.org.ru/almanacs/alm16>.
15. Степанова Г.С. Социально-психологические аспекты межнациональных отношений в ССР Молдова // Социально-психологические исследования межнациональных отношений / Под ред. П.Н. Шихирева. М., 1993.
16. Степанова Г.С. Проблема этнокультурного самоопределения личности в современной России (на примере студентов педагогического вуза) // Личность в изменяющихся социальных условиях / Под ред. Е.В. Гордиенко. Красноярск, 2010.
17. Степанова Г.С. Отражение этнической и гражданской идентичности в социальных представлениях современной молодежи // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Материалы Третьей международной научной конференции. 24–25 мая 2012 г. Т. 1. Смоленск, 2012.
18. Теленков А.В. О соотношении наименований «русские» и «россияне»: история, современность и перспективы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 8. Екатеринбург, 2008.

19. Чешев В.В. Русские: этнос или народ? URL:/www.contrtv.ru/print/2119/.
20. Шляхтин Г.С., Давыдов С.В. Соотношение имплицитных и эксплицитных этнических стереотипов у русских и немцев // Вестн. Нижегородского ун-та. Сер. «Социальные науки». Вып. 5. 2006.
21. Яковенко И. Я – русский. Кто я и зачем я? // Нева. 2004. № 6.
22. Янчук В.А. Перспективы прогресса в углублении понимания психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Психологический журнал. 2009. № 3.

Features of Ethnic Identity of Russians: Research Issues and Perspectives

G.S. STEPANOVA

*PhD in Psychology, associate professor at the Chair of General
and Educational Psychology, Voronezh State Pedagogical University*

The author focuses on the issues related to Russian ethnic identity and its exploration within the context of Russian national integration concept development. The specifics of the Russian ethnic identity can be seen, for instance, in the low levels of verbalization of the ethnonym, which, in turn, suggests weak national identity. This very feature finds sufficient proof in the outcomes of the author's own long-term research as well as in the data obtained in other studies. In this paper, the author makes an attempt to fully analyse the phenomenon in the following ways: from the historical perspective; in the context of collective memory of Russians; in the framework of the theory of social representations. The author also stresses the necessity of multidimensional logical analysis of such ambiguous psychological phenomena as ethnic identity, ethnic self-consciousness, and the criteria of their development levels.

Keywords: *ethnic identity, civil identity, ethnic consciousness, collective memory, verbalization, implicit construct, "I—image", "We—image", multidimensional logic.*

REFERENCES

1. Bovina I.B., Stefanenko T.G., Tihomandrickaya O.A., Malysheva N.G., Golynchik E.O. Rossiya v sovremennom mire: podhod teorii social'nyh predstavlenii // Elektronnyi zhurnal "Znanie. Ponimanie. Umenie". 2009. № 2. Pedagogika. Psihologiya. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Bovina&Stefanenko&Tikhomandritskaya&Malysheva&Golynchik>.
2. Vishlenkova E.A. Telo dlya naroda, ili "uvidet' russkogo dano ne kazhdomu" // Sociologicheskoe obozrenie. 2007. T. 6. № 3.
3. Kadackih I.Yu., Stepanova G.S. Osobennosti etnokul'turnogo "Ya" v strukture samosoznaniya formiruyusheysya lichnosti. Voronezh, 2010.
4. Kozhinov V.V. Pobedy i bedy Rossii. Russkaya kul'tura kak porozhdenie istorii. M., 2002.

5. *Kol'cova V.A.* Istoricheskaya psihologiya kak kompleksnaya otrasl' znaniya: teoretiko-empiricheskii analiz // *Psihologicheskii zhurnal*. 2011. T. 2. № 3.
6. *Koyalovich M.O.* Istoriya russkogo samosoznaniya. SPb., 1884.
7. *Litavrin G.G., Florya B.N.* Obshee i osobennoe v etnicheskom samosoznanii slavyan v XV veke // *Etnicheskoe samosoznanie slavyan v XV veke*. M., 1995.
8. *Lur'e S.V.* Istoricheskaya etnologiya: Ucheb. posobie dlya vuzov. M., 2004.
9. *Mironova N.P.* Etnicheskoe samosoznanie sovremennoi studencheskoi molodezhi g. Syktyvkar v kontekste istoricheskoi pamyati pokolenii // *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*. Vyp. 1 (9). Syktyvkar, 2012.
10. *Mitrofanova O.G.* Problema issledovaniya mezhkul'turnogo vzaimodeistviya i vzaimoponimaniya: dialogicheskii podhod // *Vesnik GrDU imeni Yanki Kupaly*. Ser. 3. Filalogiya. Pedagogika. Psihologiya. 2010. № 3.
11. Osoznayut li sebya russkie edinoin etnicheskoi obshnost'yu? Sushestvuet li "russkaya problema?" // Fond "Liberal'naya missiya". URL: <http://liberal.ru>.
12. *Savchenko I.A.* Sociokul'turnaya integraciya i dezintegraciya sovremennyh mnogoetnichnyh soobshestv: Avtoref. diss. ... d-ra sociol. nauk. Nizhnii Novgorod, 2012.
13. *Skvorcov N.G.* Problema etnichnosti v social'noi antropologii. SPb., 1996.
14. *Smirnova A.G.* Formirovanie nacional'noi identichnosti v Rossii: legko li byt' russkim? URL: <http://ideashistory.org.ru/almanacs/alm16>.
15. *Stepanova G.S.* Social'no-psihologicheskie aspekty mezhnacional'nyh otnoshenii v SSR Moldova // *Social'no-psihologicheskie issledovaniya mezhnacional'nyh otnoshenii / Pod red. P.N. Shihireva*. M., 1993.
16. *Stepanova G.S.* Problema etnokul'turnogo samoopredeleniya lichnosti v sovremennoi Rossii (na primere studentov pedagogicheskogo vuza) // *Lichnost' v izmenyayushih social'nyh usloviyah / Pod red. E.V. Gordienko*. Krasnoyarsk, 2010.
17. *Stepanova G.S.* Otrazhenie etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti v social'nyh predstavleniyah sovremennoi molodezhi // *Teoreticheskie problemy etnicheskoi i krosskul'turnoi psihologii. Materialy Tret'ei mezhdynarodnoi nauchnoi konferencii*. 24–25 maya 2012 g. T. 1. Smolensk, 2012.
18. *Telenkov A.V.* O sootnoshenii naimenovanii "russkie" i "rossiyane": istoriya, sovremennost' i perspektivy // *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. Vyp. 8. Ekaterinburg, 2008.
19. *Cheshev V.V.* Russkie: etnos ili narod? URL: www.contrtv.ru/print/2119/.
20. *Shlyahin G.S., Davydov S.V.* Sootnoshenie implicitnyh i eksplicitnyh etnicheskikh stereotipov u russkikh i nemcev // *Vestn. Nizhegorodskogo un-ta*. Ser. "Social'nye nauki". Vyp. 5. 2006.
21. *Yakovenko I.* Ya — russkii. Kto ya i zchem ya? // *Neva*. 2004. № 6.
22. *Yanchuk V.A.* Perspektivy progressa v uglublenii ponimaniya psihologicheskoi fenomenologii: sociokul'turno-interdeterministskaya dialogicheskaya perspektiva // *Psihologicheskii zhurnal*. 2009. № 3.